
IN MEMORIAM

Свящ. Герхард Подскальски (Gerhard Podskalsky), SJ
16 марта 1937 г. — 6 февраля 2013 г.

В Европе ученый цех избравших своим предметом *ex professo* Русь, Россию, ее историю и культуру никогда не был велик. В последние же десятилетия, когда научную поэзию все больше пытаются ловить в мутной воде «Центрально-Восточной Европы», западный взор, внимательно и заинтересованно всматривающийся в Россию и Православный мир в целом, — вообще большая редкость. Эти люди — наперечет (о публицистике мы, понятно, не говорим). Вот почему тем более горько бывает узнавать, что нашего полку снова убыло: вслед за Людольфом Мюллером и Фэри фон Лилиенфельд (2009) ушел Герхард Подскальски...

То были совсем разные люди, каждый со своим кругом научных интересов и со своим научным темпераментом, но их тесно роднит одно: их интерес к Руси-России имел ярко выраженную религиозную, церковную природу.

Как хотелось бы развить эту — далеко выходящую за собственно научные рамки и столь судьбоносную для нас, Европы и России, — тему! Как нуждается вечное обетование *Ex Oriente lux* в новом спокойном, без надрыва и лишнего пафоса, разговоре взаимопонимающих людей, вооруженных конкретным знанием. И как не увидеть в этой связи многозначительного, почти символического, намека в том, что уже первая книга о Герхарда (его диссертация, защищенная на философском факультете Мюнхенского университета в 1972 г.) оказалась посвящена ни много ни мало проблеме Православного Царства, или, по-научному, «византийской имперской эсхатологии»¹.

Но, увы, стеснительный жанр некрологической заметки торопит, побуждая упомянуть, коль скоро речь зашла о конкретном знании, по крайней мере, еще об одном.

Всякий, кому приходится заниматься наукой о русском Средневековье и вместе с тем западной медиевистикой, должен постоянно убеждаться в том, насколько разны выглядят библиографические «пейзажи» в этих, казалось бы, смежных областях. Особенно разительно несоответствие в справочно-энциклопедической литературе: если там это — сущие горные хребты лексиконов, реперториев, каталогов, генеалогий, просопографий, то здесь — едва всхолмленная равнина. Удивительно ли, что многие из таких скрашивающих взор холмов насыпаны трудами кропотливых иноземцев? Достойный образец специфически немецкого жанра *Handbuch*'а применительно к древнерусской литературе *sub specie theologiae* — это второй большой труд о Герхарда, который он загодя положил к подножию юбилейного алтаря 1988 г.²

Лирический во многом характер этих строк делает позволительным небольшое воспоминание. Когда книга о древнерусском богословии уже была в общем написана, незабвенный Игорь Сергеевич Чичуров (то было примерно в 1980 г.) устроил ее автору выступление в стенах академического Института истории СССР. Из монолога о гомилетике, догматике, аскетике и тому подобном в устах ученого идеалиста, разумеется, общего разговора не вышло, и пишущему эти скорбные заметки, которому пришлось провожать гостя до автобусной остановки, весьма памятно горестное недоумение докладчика, то и дело глотавшего какие-то желтые пилюли: как же так? ведь после двухсот лет изучения того, что так привычно-неопределенно именуется древнерусской литературой, пора же наконец уяснить себе, чем мы, собственно, располагаем?

¹ Podskalsky G. Byzantinische Reicheschatologie: Die Periodisierung der Weltgeschichte in den vier Grossreichen (Dan. 2 und 7) und dem Tausendjährigen Friedensreiche (Apok. 20). Eine motivgeschichtliche Untersuchung. München, 1972 (Münchener Universitäts-Schriften; Reihe der philos. Fakultät. Bd. 9).

² Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988–1237). München, 1982.

Да, потом о. Герхарду не раз случалось приезжать в Россию и в Москву, в частности, по приглашению Православного Свято-Тихоновского института (ныне — университета), Свято-Филаретовского православно-христианского института (в совет попечителей которого он входил), и у него, хочется думать, появились причины исправить то первое неблагоприятное впечатление. И все же... Замысел перевести книгу на русский язык, который, помнится, впервые возник в беседах с ее автором во время Международного конгресса византинистов в Москве в 1991 г., он воспринял как должное, активно участвовал в авторизации, умеренно сетовал, когда дело начало буксовать в вязких издательских колеях тогдашнего времени, смирялся с редакторскими исправлениями и даже примечаниями. И все же было чувство, что особой авторской радости в связи с вышедшей наконец книгой³ о. Герхард уже не испытывал. И не только из-за природной флегматичности.

Дело в том, что логика творческого поиска уже успела увести исследователя несколько в сторону от Руси. И хотя и здесь у него оставались свои герои (Кирилл Туровский, митрополит Киприан и другие), которым время от времени посвящались отдельные ученые изыскания, в целом внимание о. Герхарда вернулось к поздневизантийской проблематике, с которой он когда-то начинал⁴, дополнившись экскурсами в поствизантийскую эпоху и на славянские Балканы⁵. Историк Руси волен высказать сожаление, но упрекнуть ученого в том, что тем самым он удалился от сути, нельзя: православное богословие было и до конца осталось в фокусе его настоячивых разысканий, неизменно поражающих широтой и эрудицией⁶. Уместно лишь повторить слова надежды, высказанные некогда самим о. Герхардом в предисловии к его труду о древнерусском богословии, что он (труд) «и с русской стороны встретит поддержку и продолжение».

И в заключение, как говорится в таких случаях, — о светлом образе покойного, который не изгладится в нашей благодарной памяти и проч. Что ж, ничуть не лукавя, можем повторить эти слова в отношении о. Герхарда Подскальски — большого ученого и скромного человека обширного ума и неброской внешности. Во всяком случае, в памяти автора этих строк останется греющий душу образ странного гида по римским закоулкам, совмещавшего многознание с немногословностью и тяготением к таинственным, отнюдь не туристического вида провалам в тысячелетние недра. Или — совсем из другого ряда — заботливого священника, который, вздыхая и кряхтя, борется с кофе, печеньем, салями и еще какой-то дежурной снедью, никак не желающими соответствовать скромной геометрии случайной картонки, счастливого оттого, что наконец сыскался кто-то, готовый захватить в Москву посылку для нуждавшегося коллеги — и вовсе не богослова, а так, переводчика с французского... *Pax tibi, pater optime, doctor peritissime, serve fidelis et prudens.*

А. В. Назаренко

³ Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. второе, исправленное и дополненное для русского перевода / Пер. А. В. Назаренко; под ред. К. К. Аментьева. СПб., 1996 (Subsidia Byzantinorossica. Т. 1).

⁴ Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. Der Streit um die theologische Methodik in der spätbyzantinischen Geistesgeschichte (14./15. Jh.), seine systematischen Grundlagen und seine historische Entwicklung. München, 1977 (Byzantinisches Archiv. Bd. 15); *Idem.* Von Photios zu Bessarion: Der Vorrang humanistisch geprägter Theologie in Byzanz und deren bleibende Bedeutung. Wiesbaden, 2003 (Schriften zur Geistesgeschichte im östlichen Europa. Bd. 25).

⁵ Podskalsky G. Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft (1453–1821): Die Orthodoxie im Spannungsfeld der nachreformatorischen Konfessionen des Westens. München, 1988 (2-е изд. исправленного и дополненного греческого перевода вышло в 2008 г.); *Idem.* Theologische Literatur des Mittelalters in Bulgarien und Serbien (865–1459). München, 2000 (исправленное и дополненное издание в сербском переводе вышло в 2010 г. в Белграде).

⁶ Относительно полную библиографию Г. Подскальски можно найти на сайте Философско-Богословской высшей школы св. Георгия (Philosophisch-theologische Hochschule St. Georgen) во Франкфурте, в которой он профессорствовал с 1981 г. и почти до конца жизни, — <http://www.sankt-georgen.de>.

